

«СЛУЖЕНИЕ» И «ЖЕРТВЕННОСТЬ» В РУССКОЙ ТРАДИЦИИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ БОГОСЛОВОВ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

И.Д. Иванов

Религиозная организация — духовная образовательная организация высшего образования «Санкт-Петербургская духовная академия Русской православной церкви», Санкт-Петербург, Россия; IDgiovanni@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена актуальной проблеме преподавания русского языка как иностранного (РКИ) в специализированной аудитории — иностранным студентам духовных школ Русской православной церкви. Автор обосновывает тезис о том, что для будущих богословов русский язык выступает не просто средством коммуникации, а онтологической средой бытования сакральных смыслов. В связи с этим традиционная коммуникативная лингводидактика оказывается недостаточной, так как ключевые культурные концепты («служение», «жертвенность») требуют не заучивания, а герменевтического проникновения. В качестве решения предлагается междисциплинарная модель обучения, интегрирующая три подхода: онтологическую герменевтику (понимание как событие встречи с традицией), теолингвистику (выявление духовных архетипов в языке) и концепцию воспитания мирозерцания. Автор вводит понятие «духовного архетипа» как инварианта, восходящего к библейскому первообразу и реализуемого в литературных текстах. Во второй части статьи на примере анализа концептов «служение» (в диалектике Логоса и кеносиса) и «жертвенность» (в парадоксе Агнца-Победителя) демонстрируется практическое применение модели. Делается вывод, что предлагаемый подход позволяет преодолеть семантический редукционизм и сформировать у студентов целостное христианское мирозерцание, превращая изучение языка в событие встречи с традицией. Статья адресована преподавателям РКИ, теологам и лингвокультурологам.

Ключевые слова: русский язык как иностранный (РКИ); лингвокультурология; теолингвистика; духовный архетип; онтологическая герменевтика; служение; жертвенность; преподавание РКИ в духовных школах; иностранные студенты-богословы; междисциплинарный подход; герменевтический диалог; религиозная картина мира; русская классическая литература

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-05-4

Для цитирования: Иванов И.Д. «Служение» и «жертвенность» в русской традиции: лингвокультурологический аспект в обучении иностранных бого-

“MINISTRY” AND “SELF-SACRIFICE” IN THE RUSSIAN TRADITION: A LINGUOCULTURAL ASPECT OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE TO INTERNATIONAL THEOLOGY STUDENTS

Ivan D. Ivanov

*Religious Organization — Spiritual Educational Institution of Higher Education
“St. Petersburg Theological Academy of the Russian Orthodox Church”,
St. Petersburg, Russia; IDgiovanni@yandex.ru*

Abstract: The article addresses the relevant issue of teaching Russian as a Foreign Language in a specialized context — to international students at theological schools of the Russian Orthodox Church. The author substantiates the thesis that for future theologians, the Russian language serves not merely as a means of communication, but as an ontological environment for the existence of sacred meanings. In this regard, traditional communicative linguodidactics proves insufficient, as key cultural concepts (“ministry”, “self-sacrifice”) require not rote memorization, but hermeneutic penetration. As a solution, an interdisciplinary teaching model is proposed, integrating three approaches: ontological hermeneutics (understanding as an event of encounter with tradition), theolinguistics (identifying spiritual archetypes in language), and the concept of nurturing a worldview. The author introduces the notion of the “spiritual archetype” as an invariant originating from a biblical prototype and realized in literary texts. In the second part of the article, the practical application of the model is demonstrated through the analysis of the concepts “ministry” (in the dialectic of Logos and kenosis) and “self-sacrifice” (in the paradox of the Lamb as Victor). It is concluded that the proposed approach allows overcoming semantic reductionism and forming a holistic Christian worldview in students, transforming language learning into an event of encounter with tradition. The article is addressed to Russian as a Foreign Language teachers, theologians, and linguoculturologists.

Keywords: Russian as a Foreign Language; linguoculturology; theolinguistics; spiritual archetype; ontological hermeneutics; ministry; self-sacrifice; teaching RFL in theological schools; international theology students; interdisciplinary approach; hermeneutic dialogue; religious worldview; Russian classical literature

For citation: Ivanov I.D. (2026) “Ministry” and “Self-Sacrifice” in the Russian Tradition: The Linguocultural Aspect of Teaching Russian as a Foreign Language to International Theology Students. *Lomonosov Philology Journal*, no. 5, pp. 50–64.

Введение

Растущее число иностранцев, избравших духовные школы Русской православной церкви своим путем, закономерно ставит перед

системой обучения в них русскому языку новые, более глубокие вопросы, выходящие за рамки простой передачи языковых навыков. При этом современная лингводидактика, парадигма которой ориентирована на формирование коммуникативной компетенции, сталкивается с методологическим кризисом в специфическом контексте преподавания русского языка как иностранного (РКИ) будущим теологам, когда язык выступает в качестве носителя особых (и весьма сложных) культурных смыслов. В этой ситуации вопрос смысловыражения формулируется не просто «Как это сказать?», а «Почему это значит то, что значит, и как это пережить?». Для указанной аудитории язык — не просто инструмент общения, но онтологическая среда бытования сакральных смыслов. Это означает, что значения ключевых концептов («служение», «жертвенность») не могут выводиться исключительно из их словарных дефиниций или синтагматических связей; они «встроены» в религиозную традицию и практику. Эти концепты являются культурными кодами, требующими для своего адекватного усвоения не заучивания, а герменевтического проникновения — вживания в традицию, их породившую.

Наш опыт работы с иностранными студентами в Санкт-Петербургской духовной академии в качестве преподавателя русского языка как иностранного (РКИ) и специальных дисциплин позволяет нам предложить в качестве ориентира междисциплинарную модель, трансформирующую изучение языка из курса по приобретению навыков в практику духовно-антропологического становления, где усвоение языка есть одновременно процесс формирования определенного типа личности. Игнорирование антропологического измерения в таком специфическом контексте ведет к семантическому редукционизму, когда богатейшие концепты упрощаются до их поверхностных значений. Задача русиста-преподавателя РКИ в данной модели — не проповедь, а адекватная передача глубины культурных кодов. Речь идет, безусловно, не о навязывании мировоззрения, а о системном и научно обусловленном раскрытии логики его формирования в языке.

Наша статья состоит из двух частей. В первой мы раскрываем методологическую базу предлагаемого нами подхода, обсуждаем три компонента образовательной модели, с помощью которой, как нам представляется, можно оптимизировать обучение иностранных студентов-теологов русскому языку, а также указываем на принципы взаимодействия русиста-преподавателя РКИ с преподавателями специальных дисциплин в рамках этой модели. Во второй части мы обращаемся к анализу двух духовных архетипов православной картины мира — «служение» и «жертвенность» — на фоне их близнецов-концептов. Таким образом, в первой части статьи содержатся

рекомендации, как преподавателю РКИ следует действовать, чтобы стать участником духовного формирования иностранного студента, а не просто учить его удовлетворению его коммуникативных потребностей. Во второй части мы даем образец материала, который, собственно, является предметом обучения.

Методологическая база

В основе предлагаемой концепции лежит синтез трех методологических подходов, создающий целостный и прочный каркас для построения образовательной модели: онтологической герменевтики, позволяющей рассматривать понимание как событие встречи с традицией; теолингвистического подхода, выявляющего роль духовных архетипов в языке; и концепции воспитания мирозозерцания, которая задает антропологический вектор образовательного процесса. В этой модели теологические элементы — не дань традиции, а системные, методологически необходимые компоненты, обеспечивающие работу модели.

1) Герменевтика как онтология понимания. Для наших задач целесообразно исходить не из классической филологической герменевтики (искусство истолкования текстов), а из философской герменевтики Х.-Г. Гадамера (1900–2002)¹, где понимание — это не результат метода, а событие (*Geschehen*), происходящее с интерпретатором. Для иностранного студента-богослова это означает необходимость не просто «узнать» значения слов, но экзистенциально «вжиться» в традицию, признать свое призвание и принадлежность к единому историко-духовному процессу. Понимание в этом контексте — это не присвоение информации, а встреча с истиной, преобразующая самого понимающего. Если понимание — это событие, то задача педагогики — создать условия для его совершения: через диалог с текстами, среду, совместную работу с носителем традиции (богословом). Такой подход переводит обучение из плоскости трансляции информации в плоскость организации опыта. Эта событийность осуществляется в акте «слияния горизонтов» (*Horizontverschmelzung*) — горизонта ожиданий и предрассудков интерпретатора и горизонта самого текста/традиции. И здесь важна категория «истории воздействия» (*Wirkungsgeschichte*), то есть то, как историческое бытие концепта в культуре влияет на его понимание сегодня [Гадамер 1988].

¹ Ханс-Георг Гадамер (1900–2002), основоположник философской герменевтики («Истина и метод», 1960), развивал учение о языке как среде понимания и «предрассудках» сознания, что актуально для теолингвистического анализа сакральных текстов.

2) Теолингвистика и категория духовного архетипа. Теолингвистика, которую, безусловно, можно рассматривать и как богословие языка [Ноппен 1981; Вагнер 1999; Кристал 2018; Глубоковский 1914; Хайдеггер 2007; Рикер 1995], в данной работе интерпретируется нами принципиально иначе — как лингвокультурологический подход [Гумбольдт 2001; Лосев 2015; Кассирер 2011; Гадомский 2007; Красных 2010; Постовалова 2012; Кончаревич 2012], который постулирует, что религиозное сознание формирует глубинные, архетипические структуры языка и мышления. Мы вводим рабочую категорию «духовного архетипа». Это не юнгианский архетип [Юнг 2019]², а семиотический и лингвокультурный концепт: устойчивый первообраз, закрепленный в сакральном тексте (например, в Библии), который становится матрицей для порождения множества культурных и языковых смыслов, выступая по отношению к своим реализациям в различных текстах как инвариант, как первообраз, «логос» вещи, отраженный в человеческом сознании, языке и культуре. Так, концепты «служение» и «жертвенность», к рассмотрению которых мы приступим далее, понимаются нами не как абстрактные идеи, но как языковые воплощения соответствующих библейских архетипов. Задача педагога — показать эту связь, продемонстрировав, как архетип мигрирует из сакрального текста в литературный, меняя форму, но сохраняя ядро. Сверхзадача педагогического процесса — не просто описать духовные архетипы логически и исторически, но актуализировать, пробудить в сознании учащегося их чувственно-духовное переживание через всю полноту языковых средств, задействованных в его вербализации, используя ресурсы и этимологии, и стилистики, и поэтики художественного текста.

Мы считаем неоправданным опасение, которое может возникнуть: «Не приведет ли это к редукции богатства литературных смыслов к нескольким библейским схемам?» Напротив, предлагаемый подход позволяет увидеть глубину и вариативность литературных воплощений духовных архетипов. Писатель не иллюстрирует

² Юнгианские архетипы — базовые элементы коллективного бессознательного (К.Г. Юнг): универсальные, врожденные психические структуры и образы (Мать, Ребенок, Тень, Самость, Анима/Анимус), составляющие общечеловеческую основу опыта. В отличие от платоновских идей, они динамичны и актуализируются при взаимодействии со средой, формируя поведение, мифы и сны. Архетипы направляют процесс индивидуации и организуют восприятие, оставаясь неосознаваемыми формами, подобными «оси кристалла». Позднее Юнг развил представление об их «психоидной» природе как мосте между психикой и материей (в т. ч. в коллаборации с В. Паули). Концепция оказала влияние на психологию, литературоведение, культурологию и маркетинг, но также подвергалась критике за эссенциализм и европоцентризм.

архетип, а вступает с ним в творческий диалог, порождая новые смыслы. Наша задача — проследить эту трансформацию, а не свести к схеме. Например, концепт «служение» у Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского раскрывается через духовный архетип, что дает разные художественные и философские результаты.

3) Воспитание мирозерцания как практическая цель. «Мирозерцание» (*Weltanschauung*) — это не просто сумма знаний, а целостная, системообразующая картина мира, определяющая ценности, поведенческие модели и языковые практики индивида [Dilthey 1989: 416]. Воспитание такой картины мира происходит не через индоктринацию, а через погружение в среду («язык культуры»), где язык выступает главным медиумом. Это процесс интериоризации внешних культурных форм во внутренние смысловые структуры личности. Такой комплексный подход находит свое завершение и практическое воплощение в идее воспитания целостного христианского мирозерцания. Получая прочное теоретическое основание, мирозерцание перестает быть лишь умозрительным учением и становится практической религиозной задачей. Если классики русской религиозной мысли [Франк 1996; Бердяев 1999] утверждали, что мирозерцание должно быть воспитано, то в философско-педагогической системе С.И. Гессена этот тезис обретает свое антропологическое измерение: подлинная личность не дана человеку от природы, а задана ему как цель, и обретается она только через воспитание и усилие по достижению сверхличных ценностей [Гессен 1995]. А процесс воспитания всегда происходит в определенной культурной среде с помощью языка этой культуры.

Таким образом, наша модель преследует цель: превратить изучение языка из академического курса в процесс духовно-антропологический, где усвоение концептов есть ступень к формированию определенного, духовно ориентированного типа личности. Это финальный, интегративный уровень. Усвоение концептов через герменевтику и теолингвистику становится ступенью к формированию целостной личности, для которой русский язык — ключ к особой форме религиозно-культурного опыта.

Здесь может возникнуть новое опасение: «Это пахнет манипуляцией сознанием. Грань между “воспитанием” и “навязыванием” очень тонка». Однако существует ключевое отличие — в опоре на герменевтический диалог, а не монолог. Предлагаемая нами модель не предлагает готовых ответов, а создает условия для самостоятельного поиска и встречи с культурой. Цель ее — не сформировать «правильное» мнение, а дать инструменты для глубокого, осмысленного диалога с традицией, что исключает манипуляцию.

Культурно-исторический контекст: единство русской христианской традиции

Предлагаемая модель исходит из аксиомы об органической христианской природе русской классической культуры: русская классическая литература и культура вплоть до XX века была органически христианской по своему генезису, языку и системе ценностей. Это не богословский постулат, а культурно-исторический факт, подтверждаемый данными лингвистики [Толстой 1995; Живов 1996], истории литературы [Лихачев 2000] и семиотики [Топоров 1995; Лотман 1994]. Утверждение об органической христианской природе русской культуры — это констатация факта ее происхождения (генезиса), подобно тому, как фактом является насыщенность английской поэзии времен Шекспира библейскими образами. Игнорировать это — значит отказаться от понимания языка, на котором с читателем говорит автор.

Создание старославянского языка как языка сакрального и его влияние на русский литературный — факт исторический. Высокая абстрактная лексика («истина», «совесть», «милосердие») имеет церковнославянские корни, неся в себе исходный сакральный оттенок [Колесов 2015]. Евангелие и агиография являются главным пре-текстом, гипертекстом по отношению к классической литературе [Пиккио 2003: 435–436]. Без знания этого кода множество аллюзий, реминисценций и смыслов остаются нераскрытыми (например, евангельские аллюзии в «Преступлении и наказании»). Система ценностей, отстаиваемая русской классикой, генетически восходит к евангельской этике. Даже когда автор полемизирует с ней (как Толстой), он остается внутри порожденного ею смыслового поля.

Следовательно, со-работничество лингвиста и богослова в педагогическом процессе оказывается не внешним методическим приемом, а единственно естественным способом реконструкции той картины мира, в которой жили и творили создатели русской культуры. При этом мы далеки от мысли игнорировать светские, западные, атеистические пласты русской культуры XVIII–XIX вв., однако утверждаем, что даже в полемике с христианской традицией (как у нигилиста или революционера) русский писатель зачастую остается внутри порожденного ею смыслового поля. Его бунт — это диалог с традицией, а не ее игнорирование. Для понимания самой полемики и ее накала необходимо знать ее предмет. Без Христа не понять бунта Ивана Карамазова.

Уровни междисциплинарного со-работничества в педагогическом процессе

Исходя из вышеизложенного, мы предлагаем для обучения иностранных студентов-теологов трехуровневую педагогическую модель, где на каждом этапе реализуется принцип кооперации филолога и богослова в рамках единого христианского культурно-исторического контекста.

Уровень первый: семантико-архетипическая реконструкция. Лингвист и богослов совместно выстраивают смысловые и архетипические цепочки, демонстрируя, например, как современное светское слово «совесть» семантически и этимологически восходит к церковнославянскому «вѣсть съмъ» — знанию, со-общенному с Богом, совместному с Ним ведению. На этом же этапе происходит первичное знакомство с библейскими архетипами, стоящими за концептами.

Уровень второй: герменевтика текста. Анализ агиографических (жития святых) и классических литературных текстов ведется как совместное вживание в единую смысловую парадигму. Лингвист фокусируется на анализе языковых средств создания образа (метафоры, символы, стилистические фигуры), в то время как богослов раскрывает догматический, литургический и аскетический контекст, позволяющий понять мотивацию персонажей и авторский замысел.

Уровень третий: аксиологическое моделирование и воспитание посредством среды. Создается особая лингводуховная образовательная среда через проектную деятельность, требующую от студента самостоятельного смыслотворчества на основе усвоенных архетипов.

Перейдем к рассмотрению двух конкретных примеров концептов, на которых может быть реализована предложенная модель.

Предлагаемый анализ не претендует на описание всей русской литературы или всей духовной традиции. Мы сознательно фокусируемся на тех произведениях и образах, которые напрямую наследуют евангельской логике кеносиса и жертвы. Вне нашего рассмотрения остаются герои, реализующие иные модели служения — например, деятельно-преобразующие (Базаров) или эстетические. Наша задача — проследить именно этот, христиански-ориентированный вектор, который, однако, оказал определяющее влияние на формирование нравственного идеала в русской культуре.

Концепты «служение» и «жертвенность»: от библейских архетипов к литературным воплощениям

1. Архетип служения: Логос, совмещенный с кеносисом. Понимание образа Христа в христианстве строится на диалектике

славы и уничижения. Его божественная природа описывается через понятие Логоса (Ин. 1:1) — предвечного Слова и Разума, через который был сотворен мир. Как Логос, Он является источником всякой власти и суверенности, архетипом чистого творчества и абсолютного величия. Однако ключом к искуплению становится кеносис (Фил. 2:6–7) — парадоксальный акт самоистощания. Тот, кто по праву обладает славой, добровольно отказывается от нее, принимая «образ раба». Этот переход от божественного Логоса к уничиженному Служителю открывает миру архетип не власти, а смирения как высшей формы божественной любви. Богословское и логическое понимание служения находит свой трансцендентный прообраз в архетипе Логоса (Ин. 1:1), который через акт кеносиса (Фил. 2:6–7) принимает «образ раба», чтобы спасти человечество. Богословское понимание служения коренится в уникальной структуре бытия Богочеловека. Его божественная природа явлена в Логосе (Ин. 1:1) — источнике власти и творчества. Но способ явления этой божественной природы в мир — это кеносис (Фил. 2:6–7), то есть добровольное самоумаление вплоть до «образа раба».

Следовательно, архетипом служения выступает не абстрактное понятие власти (Логос) или абстрактное понятие самоумаления (кеносис), а сама личностная структура Богочеловека. В ней божественная природа (Логос) и человеческий способ ее явления (кеносис) нерасторжимы. Христос не перестает быть Господом, принимая образ раба, — именно это парадоксальное совмещение «власти и жертвы» в одном Лице задает семантическую матрицу для концепта «служение». Истинное величие здесь раскрывается не через отказ от власти, а через ее преображение любовью.

Служение в христианском ключе — это не восхождение к власти (как в светской карьере), а парадоксальный путь нисхождения, добровольного принятия на себя служебной функции по образцу Христа. Сила проявляется через добровольную слабость. Русская литература художественно исследует этот архетип, проводя своих героев через драматический путь от гордого, индивидуалистического служения отвлеченной идее к кенотическому, самоотверженному служению конкретному человеку. Примером может служить князь Андрей Болконский. Его путь драматично иллюстрирует поиск этого архетипа. Князь Андрей движется от гордого служения отвлеченной идее (архетип «логоса-властителя», мечты о «своем Тулоне») к опыту смирения и прощения. Однако его финальное состояние — это скорее отрешенность от мира, чем деятельное служение ближним. Толстой показывает не столько воплощение кеносиса, сколько трагический слом гордыни, после которого человек уже не может служить миру по-старому. Подлинное служение людям

в романе скорее персонифицировано в образах Каратаева или княжны Марьи, чья жертвенность лишена нарциссизма и обращена к конкретному «другому».

Другой пример реализации этого архетипа — князь Мышкин из романа Достоевского «Идиот». Его «слабость», «юродивость» и «неотмирность» — это не недостаток, а семантический маркер, указывающий на его причастность архетипу самоумаления, который оказывается высшей духовной силой, обличающей гордыню «нормального» общества.

Усвоение слова «служение» требует не отмены социального измерения, но углубления его. Социальная роль (служение Отечеству, профессии) может оставаться внешней формой. Задача — наполнить ее внутренним содержанием, сместив фокус с вопроса «Чем я могу командовать?» на вопрос «Кому и как я могу служить в том месте, куда я поставлен?». Служение в русской духовной традиции — это не отрицание социальной функции, а ее преобразование: карьера, понятая как призвание, становится формой онтологического участия к кенозису, когда человек реализует себя не через возвышение над другими, а через самоотдачу в своем деле.

2. Архетип жертвенности: Агнец как Победитель. Это семантический инверсивный архетип, где поражение оборачивается победой. Бытовое и психологическое понимание жертвы (как лишения, утраты, поражения) может быть существенно дополнено и переосмыслено через призму христианской парадоксальной пары архетипов: от Агнца (Ис. 53:7) — безгласной и смиренной жертвы, принимающей на себя грехи и зло мира (внешне это выглядит как слабость, страдание и поражение), — к Победителю (Откр. 5:5–6) — где закланный Агнец предстает как лев из колена Иудина, победивший саму смерть. Этот взгляд не отменяет трагедии жертвы, но предлагает увидеть в ней иное измерение — метафизическое. Архетип «Агнец-Победитель» задает модель, где жертва, выглядящая как поражение с мирской точки зрения, оборачивается высшей победой на метафизическом уровне. Это снимает противоречие между страданием и торжеством. Жертва не бессмысленна, а со-бойственна (согласована с волей Бога) и потому победоносна.

Русские писатели с пронзительной силой показывают, как жертва, внешне выглядящая как слабость, поражение и социальный крах, оборачивается величайшей победой духа и источником преобразования для других. Соня Мармеладова является живой иконой архетипа Агнца; ее жертва продиктована не отчаянием, а любовью. Достоевский показывает, что эта жертва становится условием возможности покаяния для Раскольникова — не как автоматический «рычаг», а как явленная правда, перед которой невозможно лгать.

Сама Соня остается страдающей, но ее страдание оказывается онтологически плодотворным: оно восстанавливает связь между людьми там, где царил разрыв. Еще пример — Матрена из рассказа А. Солженицына «Матренин двор». Ее жизнь и абсурдная гибель кажутся окружающим бесполезными. Но Солженицын настаивает: факт ее существования уже был победой. Ее смерть обнажает духовную пустоту тех, кто ее окружает, и тем самым дает читателю нравственный камертон. «Жертвенность» — это не инструмент для достижения земного благополучия, а добровольная причастность иной логике бытия, где смерть не имеет последней власти.

Важно различать жертвенность как христианскую добродетель и виктимность как психологическую патологию или социальную манипуляцию. Критерий различия — свобода и любовь. Христианская жертва всегда добровольна и имеет своим источником любовь к другому (Богу или человеку), а не страх, не чувство вины и не желание самоутвердиться через страдание. Она не разрушает личность жертвующего, но преображает ее, даже если внешне ведет к гибели. Виктимность же, напротив, есть форма рабства, в которой страдание становится самоцелью или способом контроля над окружающими.

Заключение

Представленное исследование следует рассматривать не как набор готовых методических рецептов, а как попытку постановки фундаментальной проблемы, которая до настоящего времени оставалась на периферии лингводидактики. Предложенная междисциплинарная модель, интегрирующая онтологическую герменевтику, теоллингвистику и концепцию воспитания мирозерцания, может вызвать вопросы со стороны строгой методологии, однако именно эта кажущаяся «перегруженность» философскими и богословскими категориями является не недостатком, а вынужденной мерой адекватного ответа на вызов, который ставит перед педагогом сама специфика аудитории — иностранные богословы, для которых язык неотделим от сакрального опыта.

Осознавая риск обвинений в излишней идеологизации учебного процесса, мы сознательно пошли на этот шаг, чтобы преодолеть семантический редукционизм, царящий в стандартных подходах к РКИ. Тот факт, что наша модель требует от преподавателя не просто филологической, но и теологической компетенции, безусловно, усложняет ее внедрение, однако именно эта сложность выступает гарантом того, что студент получит доступ не к поверхностным словарным дефинициям, а к подлинной смысловой глубине русской культуры. Мы берем на себя смелость утверждать, что герменевтический диалог, который

мы постулируем, исключает манипуляцию именно потому, что не предлагает готовых ответов, но вооружает студента инструментарием для самостоятельного духовного поиска, превращая изучение языка из трансляции информации в событие встречи с традицией.

Можно упрекнуть нас в том, что предлагаемый анализ концептов «служение» и «жертвенность» сознательно сужает фокус, оставляя за скобками огромный пласт светской, западнической или атеистической русской литературы. Однако это ограничение является не методологической ошибкой, а осознанной стратегией: мы намеренно прослеживаем магистральный, системообразующий вектор русской культуры — ее генетическую связь с христианской традицией. Игнорирование этого вектора ради мнимой «объективности» было бы куда большим искажением реальности, чем его акцентирование. Без этого фокуса преподавание языка иностранным богословам рискует превратиться в симулякр, где «совесть» остается «просто словом», а не онтологической категорией.

Критик мог бы заметить, что различение подлинной жертвенности и патологической виктимности, которое мы проводим, является слишком тонким для уровня владения языком иностранного студента. Однако мы видим в этом не минус, а сверхзадачу: наша цель — не упрощение, а пробуждение сознания через язык. Именно работа с такими сложными, парадоксальными категориями (сила в слабости, победа в поражении, Агнец как Победитель) формирует то самое целостное христианское мирозерцание, о котором мы говорим.

Наконец, признавая, что данная модель вряд ли применима к массовому преподаванию РКИ и ориентирована на узкую, элитарную (в духовном смысле) аудиторию, мы превращаем этот очевидный минус в методологический плюс. Данное исследование служит прецедентом, доказывающим, что эффективность лингводидактики напрямую зависит от ее антропологической чуткости. Если на сложном, предельном примере обучения будущих теологов модель работает, значит, ее принципы — пусть и в редуцированном виде — могут быть экстраполированы на другие контексты, напоминая педагогическому сообществу о том, что за каждым словом стоит живой человек и его картина мира. Эвристическая ценность нашего подхода заключается именно в том, чтобы поставить неудобный вопрос: готов ли преподаватель РКИ видеть в языке не просто код, а душу культуры?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности: Избранные труды. М., 1999.
2. Библиейский греческий язык в писаниях Ветхого и Нового завета / Под ред. Н.Н. Глубоковского. Киев, 1914.

3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988.
4. Гадомский А.К. Религиозный язык — теолингвистика — языкознание // Ученые записки ТНУ. Серия: Филология. 2007. Т. 20 (59). Вып. 1. С. 287–292.
5. Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М., 1995.
6. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. 2-е изд. М., 2001.
7. Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.
8. Кассирер Э. Философия символических форм: в 3 т. М., 2011.
9. Колосов В.В. История русского языка в рассказах. М., 2015.
10. Кончаревич К. К теоретико-методологическому обоснованию сопоставительной теолингвистики (на материале русского и сербского языков) // VII Международный симпозиум «Достижения и перспективы сопоставительного изучения русского и других языков»: доклады / Гл. ред. В. Белокапич-Шкунца. Белград, 2012. С. 14–22.
11. Красных В.В. Некоторые базовые понятия лингвокультурологии // Вестник культурологии. 2010. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-v-krasnyh-nekotorye-bazovye-ponyatiya-lingvokulturologii> (дата обращения: 12.03.2026).
12. Лихачев Д.С. Русская культура. М., 2000.
13. Лосев А.Ф. Философия имени. М., 2015.
14. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994.
15. Пиккио Р. Функция библейских тематических ключей в литературном коде православного славянства // Пиккио Р. *Slavia Orthodoxa: Литература и язык*. М., 2003. С. 432–473.
16. Постовалова В.И. Теолингвистика в современном гуманитарном познании: истоки, основные идеи и направления // *Magister Dixit: научно-педагогический журнал Восточной Сибири*. 2012. № 4. С. 107–216.
17. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 1995.
18. Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
19. Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре: в 2 т. М., 1995–1998.
20. Франк С.Л. Русское мировоззрение // Франк С.Л. *Русское мировоззрение: [сборник]*. СПб., 1996. С. 5–36.
21. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. *Бытие и время: Статьи и выступления*. СПб., 2007. С. 266–305.
22. Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное. М., 2019.
23. Crystal D. Whatever happened to theolinguistics? // *Religion, Language and the Human Mind* / Ed. by P. Chilton, M. Kopytowska. New York, 2018. P. 3–19.
24. Dilthey W. Introduction to the Human Sciences. Princeton, NJ, 1989.
25. Van Noppen J.P. (ed.) *Theolinguistics*. Brussels, 1981.
26. Wagner A. Theolinguistik? — Theolinguistik! // *Internationale Tendenzen der Syntaktik, Semantik und Pragmatik: Akten des 32. Linguistischen Kolloquiums in Kassel 1997* / Hrsg. von H.O. Spillmann, I. Warnke. Frankfurt, 1999. S. 507–512.

REFERENCES

1. Berdyaev N.A. *O cheloveke, ego svobode i dukhovnosti: Izbrannye Trudy* [On Man, His Freedom and Spirituality: Selected Works]. Moscow, Flinta Publ., 1999. (In Russ.)
2. *Biblejskij grecheskij jazyk v pisaniiah Vethogo i Novogo zaveta* / Pod red. N.N. Glubokovskogo [Biblical Greek in the Writings of the Old and New Testament / Ed. by N.N. Glubokovskiy]. Kiev, Tipografija I.I. Čokolova, 1914. (In Russ.)

3. Gadamer H.-G. Istina i metod: Osnovy filosofskoj germenевtiki [Truth and Method: Fundamentals of Philosophical Hermeneutics]. Moscow, Progress Publ., 1988. (In Russ.)
4. Gadomsky A.K. Religioznyj jazyk — teolingvistika — jazykoznanie [Religious Language — Theolinguistics — Linguistics]. Uchenye zapiski TNU. Serija: Filologija, 2007, vol. 20 (59), iss. 1, pp. 287–292. (In Russ.)
5. Hessen S.I. Osnovy pedagogiki. Vvedenie v prikladnuju filosofiju [Fundamentals of Pedagogy. Introduction to Applied Philosophy]. Moscow, Shkola-Press Publ., 1995. (In Russ.)
6. Humboldt W. von. Izbrannye trudy po jazykoznaniju [Selected Works on Linguistics]. 2nd ed. Moscow, Progress Publ., 2001. (In Russ.)
7. Zhivov V.M. Jazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka [Language and Culture in Eighteenth-Century Russia]. Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 1996. (In Russ.)
8. Cassirer E. Filosofija simvolicheskikh form: v 3 t. [The Philosophy of Symbolic Forms: in 3 vols.]. Moscow, Akademicheskij Proekt Publ., 2011. (In Russ.)
9. Kolesov V.V. Istorija russkogo jazyka v rasskazah [The History of the Russian Language in Stories]. Moscow, Drofa Publ., 2015. (In Russ.)
10. Koncharevich K. K teoretiko-metodologicheskomu obosnovaniju sopostavitel'noj teolingvistiki (na materiale russkogo i serbskogo jazykov) [Towards a Theoretical and Methodological Foundation for Comparative Theolinguistics (based on Russian and Serbian)]. VII Mezhdunarodnyj simpozium "Dostizhenija i perspektivy sopostavitel'nogo izuchenija russkogo i drugih jazykov": doklady, ed.-in-chief V. Belokapich-Shkuntsa. Belgrade, Filologicheskij fakul'tet Belgrade Publ., 2012, pp. 14–22. (In Russ.)
11. Krasnyh V.V. Nekotorye bazovyje ponjatija lingvokul'turologii [Some Basic Concepts of Cultural Linguistics]. Vestnik kul'turologii, 2010, no. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-v-krasnyh-nekotorye-bazovyje-ponyatiya-lingvokulturologii> (accessed: 12.03.2026). (In Russ.)
12. Likhachev D.S. Russkaja kul'tura [Russian Culture]. Moscow, Iskusstvo Publ., 2000. (In Russ.)
13. Losev A.F. Filosofija imeni [The Philosophy of the Name]. Moscow, Akademicheskij Proekt Publ., 2015. (In Russ.)
14. Lotman Yu.M. Besedy o russkoj kul'ture: Byt i tradicii russkogo dvorjanstva (XVIII — nachalo XIX veka) [Conversations on Russian Culture: Life and Traditions of the Russian Nobility (18th — Early 19th Century)]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 1994. (In Russ.)
15. Picchio R. Funkcija biblejskih tematiceskikh ključej v literaturnom kode pravoslavnogo slavianstva [The Function of Biblical Thematic Clues in the Literary Code of Orthodox Slavdom]. In: Picchio R. Slavia Orthodoxa: Literatura i jazyk. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2003, pp. 432–473. (In Russ.)
16. Postovalova V.I. Teolingvistika v sovremennom gumanitarnom poznanii: istoki, osnovnye idei i napravlenija [Theolinguistics in Modern Humanitarian Knowledge: Origins, Main Ideas and Directions]. Magister Dixit: nauchno-pedagogicheskij zhurnal Vostočnoj Sibiri, 2012, no. 4, pp. 107–216. (In Russ.)
17. Ricoeur P. Konflikt interpretacij. Očerki o germenевtike [The Conflict of Interpretations. Essays on Hermeneutics]. Moscow, Academia Publ., 1995. (In Russ.)
18. Tolstoj N.I. Jazyk i narodnaja kul'tura: Očerki po slavjanskoj mifologii i etnolingvistike [Language and Folk Culture: Essays on Slavic Mythology and Ethnolinguistics]. Moscow, Indrik Publ., 1995. (In Russ.)

19. Toporov V.N. Svjatost' i svjatye v russkoj duhovnoj kul'ture: v 2 t. [Holiness and Saints in Russian Spiritual Culture: in 2 vols.]. Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 1995–1998. Vol. 1. 1995. 875 p.; Vol. 2. 1998. 864 p. (In Russ.)
20. Frank S.L. Russkoe mirovozzrenie [The Russian Worldview]. In: Frank S.L. Russkoe mirovozzrenie: [sbornik]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996, pp. 5–36. (In Russ.)
21. Heidegger M. Pis'mo o gumanizme [Letter on Humanism]. In: Heidegger M. Bytie i vremja: Stat'i i vystuplenija. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007, pp. 266–305. (In Russ.)
22. Jung C.G. Arhetipy i kollektivnoe bessoznatel'noe [Archetypes and the Collective Unconscious]. Moscow, AST Publ., 2019. (In Russ.)
23. Crystal D. Whatever happened to theolinguistics? In: Chilton P., Kopytowska M. (eds.). Religion, Language and the Human Mind. New York, Oxford University Press, 2018, pp. 3–19.
24. Dilthey W. Introduction to the Human Sciences. Princeton, NJ, Princeton University Press, 1989. 424 p.
25. Van Noppen J.P. (ed.). Theolinguistics. Brussels, Vrije Universiteit Brussel (VUB), 1981. 147 p.
26. Wagner A. Theolinguistik? — Theolinguistik! In: Spillmann H.O., Warnke I. (Hrsg.). Internationale Tendenzen der Syntaktik, Semantik und Pragmatik: Akten des 32. Linguistischen Kolloquiums in Kassel 1997. Frankfurt am Main, Peter Lang, 1999, pp. 507–512.

Поступила в редакцию 30.03.2026

Отредактирована 28.06.2026

Принята к публикации 31.08.2026

Received 30.03.2026

Revised 28.06.2026

Accepted 31.08.2026

ОБ АВТОРЕ

Иван Дмитриевич Иванов — старший преподаватель кафедры церковно-практических дисциплин Санкт-Петербургской духовной академии;
IDgiovanni@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Ivan D. Ivanov — Senior Teaching Fellow, Department of Church Practical Disciplines, St. Petersburg Theological Academy; IDgiovanni@yandex.ru